

Шэнь Цинжань подтянул к себе корзину:

— Я сам понесу.

Когда половина из пяти му поля уже была засеяна, Шэнь Цинжань дрогнувшей рукой взял и высыпал разом половину риса из корзины. Он проделал этот трюк дважды, каждый раз с громким шумом, будто втоптывал интеллект Сюэ Фэйфэна прямо в грязь.

Сюэ Фэйфэн, чувствуя непреклонное стремление Шэнь Цинжаня к земледелию, из последних сил подавил свои сомнения. Он стиснул зубы и донес его на спине до самого конца, засеяв все пять му, смертельно боясь перебить Шэнь Цинжаня и расстроить его.

Закончив посев, Шэнь Цинжань почувствовал легкую беззаботность во всем теле и ни капли не устал. Чего нельзя было сказать о Сюэ Фэйфэне: вес двоих людей плюс несколько десятков цзиней семян давили на него, с каждым шагом он глубоко увязал в грязи, а мутная жижа доходила до самых икр и, высыхая, становилась похожа на слой серой краски.

Слезши с его спины, Шэнь Цинжань ощутил глубокие угрызения совести: нога Сюэ Фэйфэна только-только зажала, а он, бесстыдник, заставил его таскать себя на загревке!

Брови Шэнь Цинжаня сошлись к переносью. Он присел на корточки и большим пальцем смахнул грязь с икры Сюэ Фэйфэна:

— Извини... Я слишком тяжелый.

— Не тяжелый, — мышцы на икрах Сюэ Фэйфэна напряглись. Ему вовсе не хотелось, чтобы Шэнь Цинжань видел его весь в грязи, ведь это вредило образу.

Шэнь Цинжань стал торопить Сюэ Фэйфэна идти домой и вымыть ноги. Вернувшись, он лично согрел воды, вынес ее во двор и закатал рукава, обнажив белоснежные, как нефрит, предплечья. Благодаря недавнему труду его кожа подтянулась, а линии тела стали еще более изящными и плавными, выгодно оттеняя естественную чистоту неотшлифованного нефрита.

Сюэ Фэйфэна усадили за стол мыть ноги. Сам он считал, что ему достаточно было сполоснуть ноги в реке, но Шэнь Цинжань наотрез отказался и настоял на горячей воде. Он подливал и подливал горячую воду в широкий таз, пока Сюэ Фэйфэн не окликнул снующего туда-сюда Шэнь Цинжаня:

— Еще немного — и перельется через край. Подойди сюда.

— Я посмотрю, как там огонь! — Шэнь Цинжань попытался дать деру, но Сюэ Фэйфэн сзади схватил его за воротник и потянул на себя. Шэнь Цинжань потерял равновесие, откинулся назад и, не успев опомниться, оказался в объятиях Сюэ Фэйфэна, усевшись прямо к нему на бедра.

Поза Шэнь Цинжаня была крайне неловкой, ноги даже не доставали до земли. Он неуклюже заерзал, беспорядочно уперся ладонями, пытаясь подняться, но получил легкий хлопок по ягодицам и тут же притих.

— Ч-что ты делаешь? — Шэнь Цинжань замер, сжав пальцами штанину Сюэ Фэйфэна, закатанную выше колена, будто цеплялся за толстую лиану на краю пропасти. Его пальцы невольно шевельнулись и наткнулись на неровную «борозду» шириной в два пальца — похоже, это был шрам от старой раны.

Шэнь Цинжань отвлекся и потрогал шрам; его ловкие пальцы бессознательно заскользнули под штанину, поднимаясь все выше по бедру Сюэ Фэйфэна!

«Какой длинный шрам!»

Сочувствие и боль в сердце Шэнь Цинжана пришли с опозданием — он впервые заметил шрам на ноге Сюэ Фэйфэна, ведь раньше у него просто не было возможности его разглядеть.

Это был глубокий след от рубящего удара клинком прямо выше колена!

Насколько же смертельной была та стычка? У Шэнь Цинжана перехватило горло. Он ослабил хватку и стал касаться раны совсем легко, словно перышко, порхающее по самому сердцу.

— Ты достаточно нащупался? — мысли Сюэ Фэйфэна были спутаны хаотичными прикосновениями Шэнь Цинжана. В его душе бушевала отчаянная борьба, и лишь спустя долгое время он смог подавить порыв.

— Нет, — честно ответил Шэнь Цинжань.

Сюэ Фэйфэн аж поперхнулся от такой откровенной наглости:

— Лучше скажи мне, как именно ты сегодня сеял?

Он вытащил руку Шэнь Цинжана из-под штанины, сжал обе его кисти у себя в охапке, подхватил за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

Шэнь Цинжань забегал глазами и попытался сойти на компромисс:

— А можно... посчитаться осенью?

Сюэ Фэйфэн усмехнулся от возмущения: ишь ты, разогнался.

После сбора урожая? Это же ждать больше полугода! К тому времени рис пожелтеет, созреют и опадут тыквы, а Шэнь Цинжань так и останется зеленым нетронутым огурчиком: с толстой кожей, но сладкой сердцевинкой. Лизнешь — сладко, куснешь — хрустит, дразнит без всякого умысла так, что сохнешь от вожделения и зуда. Сюэ Фэйфэн боялся, что сдохнет от воздержания еще до того, как удастся откусить хоть кусочек.

— Откуда у тебя семена?

Шэнь Цинжань:

— Тетушка Чжан дала.

— Все еще упорствуешь?

Семена тетушки Чжан Шэнь Цинжань высыпал на поле трижды, и три кучки риса так и лежали там на виду, ничуть не уменьшившись. Зато по всему пути, где Сюэ Фэйфэн нес его на спине, ровным слоем легла совсем другая, отборная и налитая рисовая крупа прекрасного качества, словно готовая набухнуть и прорасти уже завтра утром.

Сюэ Фэйфэн нахмурился все сильнее. Все это подтверждало его первоначальную догадку: Шэнь Цинжань способен доставать семена из воздуха.

Кто же он такой на самом деле? Сюэ Фэйфэн вынужден был признать, что испытывает перед ним чувство абсолютного бессилия. Будь у него под командованием хоть стотысячная армия, ему все равно не разгадать одного-единственного Шэнь Цинжаня.

Шэнь Цинжань:

— А ты веришь в сказки про духов и привидений?

Сюэ Фэйфэн:

— Не верю.

«Вот ведь прямолинейный мужик! Так мы точно не сможем нормально поговорить».

Сюэ Фэйфэн:

— Ты сначала расскажи, а я послушаю.

Шэнь Цинжань подумал: судя по той наивной глупости, с которой Сюэ Фэйфэн поверил, будто рыбы растут прямо в земле, его ведь можно обвести вокруг пальца любой небылицей?

— Ну, в один из дней перед сном я был так голоден, что готов был съесть все, что угодно. Тебя тогда не было дома, и я подумал: вот бы получать семена всего, о чем подумаю, чтобы еда никогда не кончалась! И тут мне снится Шэнь-нун. Он говорит, что узрел во мне редчайший дар и невероятные задатки и хочет взять меня в ученики...

(примеч.: Шэнь-нун входит в число «Трех Владык» — мифических божественных правителей, создавших китайскую цивилизацию. Шэнь-нун (кит. 神農, Shénnóng) — это один из самых почитаемых персонажей китайской мифологии, легендарный император и культурный герой, чье имя буквально переводится как «Божественный земледелец». Его считают отцом китайского сельского хозяйства и традиционной медицины. Согласно легендам, именно он научил древних китайцев возделывать землю, изобрел соху и плуг, а также научил людей хранить семена и собирать урожай, чтобы спасти их от вечного голода.)

Шэнь Цинжань наматывал длинную прядь волос Сюэ Фэйфэна на палец и опустил глаза, не смея взглянуть ему в лицо:

— А на следующее утро я проснулся и обнаружил: о чем бы я ни подумал, в моих руках тут же появляются нужные семена. А если захочу посадить дерево — появится саженец.

В конце концов, он не стал рассказывать о трансмиграции в книгу и Системе. Прикрывшись именем Великого Шэнь-нуна, он надеялся, что Сюэ Фэйфэну будет проще это принять. Не стал он упоминать и о голоде, который наступит через четыре года: чему быть, того не миновать, пусть этот тяжкий груз останется на его плечах, нечего взваливать эти тревоги еще и на другого человека.

Несмотря на то что Сюэ Фэйфэн за свою жизнь повидал немало удивительных людей и странностей, в его душе невольно поднялась буря: неужели персонаж, существующий лишь в древних преданиях и книгах, действительно существует?

— Редчайший дар, невероятные задатки... — Сюэ Фэйфэн слегка сжал худенькое плечо Шэнь Цинжаня. Стоило опустить голову, как в глаза бросались ключицы. В то, что Шэнь Цинжань с голодухи был готов сожрать все подряд, он вполне верил, но вот вторая половина...

— И Шэнь-нун правда так сказал? Он что, совсем к старости из ума выжил и ослеп?

Сюэ Фэйфэн даже не мог вообразить, что на свете существует кто-то более ослепленный, чем он сам. Ведь даже у него самого не повернулся бы язык назвать Шэнь Цинжана «невероятно одаренным».

Система: [Попрошу без личных оскорблений!]

Шэнь Цинжань надул губы и посмотрел на него со скорбью в глазах:

— Что ты имеешь в виду? Когда мы сажали саженцы цинду, ты говорил совсем не так!

Если бы Сюэ Фэйфэн тогда не наговорил ему кучу комплиментов, он бы ни за что не прошел проверку квалификации Системы.

Все мужчины — сущие козлы, вот и вылезла наружу твоя истинная натура, да?

Видя, что Шэнь Цинжань и вправду расстроился, Сюэ Фэйфэн поспешил исправиться:

— Я имел в виду, что Шэнь-нун совершенно не умеет проявлять заботу и нисколько не счелся с твоими пожеланиями.

Шэнь Цинжань кивнул: все-таки Сюэ Фэйфэн его понимает! Наполовину обиженно, наполовину капризно он уткнулся лбом в лоб Сюэ Фэйфэна и поведал ему о многочисленных ограничениях Системы, а также об её невероятной, поистине фантастической урожайности.

Сюэ Фэйфэн вспомнил странное упрямство Шэнь Цинжана, и его озарило. Теперь он поверил в существование Шэнь-нуна еще сильнее. Когда Шэнь Цинжань учился кулинарии у повара Чжана, он за весь день толком ничего не усвоил, лишь дурака валял, но повар Чжан все равно души в нем не чаял и считал сокровищем. И даже узнав о его связи с Сюэ Ланем, он ни единым словом не проговорился.

Похоже, Шэнь Цинжань просто обладал особым даром очаровывать стариков.

Сюэ Фэйфэн серьезно взял Шэнь Цинжана за плечи:

— Об этом, кроме меня, никому ни слова. Если кто-то станет подозревать — сразу говори мне.

— Угу, — послушно кивнул Шэнь Цинжань. Все это время он тайком наблюдал за Сюэ Фэйфэном и, убедившись, что на его лице не появилось ни страха, ни алчности, ни подозрения, с облегчением вздохнул. Открыть правду означало пойти на риск.

Он рискнул, и, к счастью, Сюэ Фэйфэн того стоил.

— Что ты любишь? Я могу вырастить для тебя! — Шэнь Цинжань горел желанием показать Сюэ Фэйфэну сам интерфейс Системы и сгоряча ляпнул: — Вот прошлый арбуз без косточек...

Сюэ Фэйфэн закончил за него:

— Тот самый, из которого ты якобы целое утро выбирал мне косточки...?

А он ведь, дурак, поверил!

За какие-то два месяца Сюэ Фэйфэн попался на уловки Шэнь Цинжана больше раз, чем за все

предыдущие двадцать с лишним лет вместе взятые.

Шэнь Цинжань кубарем скатился с колен Сюэ Фэйфэна:

— Какой еще арбуз?! Ничего не знаю!

С этими словами он схватил тряпку, кое-как обтер ноги Сюэ Фэйфэна, подхватил таз и выскочил за дверь.

Сюэ Фэйфэн смотрел вслед его беззаботной фигуре, и выражение его лица постепенно становилось все более мрачным.

Понимает ли этот маленький глупец, какой опасности он себя подвергает?

Обычный человек невиновен, но владение сокровищем навлекает беду. Простой народ считает еду своим небом. Шэнь Цинжань думает лишь о том, как распространить урожайные семена, совсем не задумываясь о неминуемых угрозах.

Стоит кому-то узнать об его умении выращивать урожай, как Шэнь Цинжань тут же превратится в инструмент борьбы между разного рода силами, жаждущими завоевать расположение народа, накопить зерно и набить карманы.

Сюэ Фэйфэн впервые порадовался тому, что в его руках все еще оставалось сто тысяч тайных воинов. Иначе чем бы он смог защитить Шэнь Цинжаня?

Стоило ему представить, как Шэнь Цинжаня кто-нибудь похитит и тот, несчастный, будет дни и ночи напролет пахать в поле, как взгляд Сюэ Фэйфэна потемнел, став похожим на тысячефутовый замерзший омут. Он вооружится всей холодной и нестигаемой броней, лишь бы уберечь чистое и доброе сердце Шэнь Цинжаня, стремящегося помочь людям.

Некоторые вещи он делать не хотел, но теперь придется.

Даже сам Поднебесный владыка не заставит Шэнь Цинжаня гнуть спину в поле — разве что переступит через его труп.

...

Шэнь Цинжань решительно забрал у Сюэ Фэйфэна грязную одежду и настоял на том, чтобы выстирать ее. Он все сильнее осознавал, насколько Сюэ Фэйфэн хорош.

Сюэ Фэйфэн узнал о его необычайных способностях, но даже не думал подгонять его с работой — значит, он искренне заботится о нем!

И о полях надо печься, и о Сюэ Фэйфэне проявлять заботу.

Когда Шэнь Цинжань поранил руку, Сюэ Фэйфэн несколько дней стирал за него вещи, и Шэнь Цинжань решил вернуть этот долг. Однако Сюэ Фэйфэн каждый раз при купании заодно стирал свою одежду сам, не давая ему возможности отблагодарить.

Поразмыслив, Шэнь Цинжань присел на корточки у комнаты, где купался Сюэ Фэйфэн, наострив уши. Едва услышав шорох снимаемой одежды, он тут же ворвался внутрь и заграбастал грязные вещи:

— Я выстираю!

Шэнь Цинжань бесстыдно вошел внутрь, а выскочил оттуда с пылающим лицом.

Голый Сюэ Фэйфэн испытал непередаваемые чувства: он заранее знал, что Шэнь Цинжань прячется снаружи, не посчитал это оскорблением и решил, что у маленького обманщика наконец наступило озарение. Его мысли уже успели умчаться к романтике под луной и теплу шелковых пологов, а в итоге Шэнь Цинжань просто утянул его одежду!

Генерал внезапно почувствовал себя жертвой непристойных домогательств.

Речная вода была прозрачной и прохладной. Лишь когда Шэнь Цинжань достигал первую вещь, жар на его лице немного спал. Он взял вторую вещь и, присмотревшись, понял, что это нижние штаны Сюэ Фэйфэна.

Только что спавший жар хлынул с десятикратной силой, и Шэнь Цинжань окончательно превратился в идиота, способного лишь ошарашенно глазеть на гладь реки.

Позади него, похоже, проскакивала какая-то оживленная толпа. Шэнь Цинжань мельком прислушался: кажется, внучка Ли Дадао собиралась к кому-то свататься.

Он вспомнил парочку в зарослях тростника и подумал, что Ли Дадао, вообще-то, довольно добр к своим детям. Родив дочь на склоне лет, он души в ней не чаял, и когда та забеременела до свадьбы, в итоге даже не стал ее ругать или бить, а посадил в свадебный паланкин и дал, как говорят, щедрое приданое.

Кажется, каждый раз, когда его семья выдает дочь замуж, это превращается в целое событие, и подобные пересуды в деревне Лицзяцунь слышны нечасто.

Когда он с охапкой одежды вернулся домой и увидел, как Сюэ Фэйфэн вежливо провожает сваху, до него наконец дошло, в чем дело.

Оказывается, девица зарилась на Сюэ Фэйфэна, который «предпочитал мужчин»! Ли Дадао не смог устоять перед ее упрасиваниями и, пересилив стыд, подослал сваху. Ведь в глазах посторонних женитьба Сюэ Фэйфэна на мужчине была лишь данью сиюминутному увлечению. А способность Сюэ Фэйфэна обеспечивать семью видели все, и, откровенно говоря, подобными мыслями задавались многие.

Когда мужчины и женщины соперничают за одного человека — это же неслыханная новость для деревни Лицзяцунь!

Шэнь Цинжань ошарашенно смотрел на Сюэ Фэйфэна: неужели тот не против?!

Он изо всех сил пытался вспомнить внешность младшей дочери Ли Дадао, которую видел в тростниковых зарослях. Та была весьма хороша собой, так что внучка явно тоже не промах.

Сюэ Фэйфэн, видя явно застывшего от неожиданности Шэнь Цинжаня, внезапно подумал, что не помешает подлить масла в огонь. Этот маленький обманщик мастак увиливать и придумывать отговорки. Не верилось Сюэ Фэйфэну, что за столько дней Шэнь Цинжань ничего к нему не почувствовал! Но тот упорно делал вид, будто ничего не замечает, льнул к нему, напропалую флиртовал, даже одежду из бани утянул, а стоит подойти поближе — тут же уворачивается. Да и поцеловать его стало куда сложнее, чем прежде. Сюэ Фэйфэн уже и забыл, когда целовал его в последний раз.

В таком положении, даже если открыться ему в чувствах полностью, тот, скорее всего,

отмахнется какой-нибудь глупой отговоркой.

Шэнь Цинжань притворился дурачком:

— Зачем они приходили?

Сюэ Фэйфэн посмотрел на него и с двусмысленной ухмылкой ответил:

— Дело не плохое.

Значит, дело хорошее?!

«И с кем это ты собрался устроить хорошее дело?!»

В груди у Шэнь Цинжана стало тошно и тесно. Похоже, это всё оттого, что сегодня слишком долго сидел на корточках за стиркой! Он швырнул одежду Сюэ Фэйфэна прямо ему в руки:

— Сам развешивай!

А лучше пускай твоя новая женушка развешивает!

<http://bllate.org/book/17933/2038582>